

дей, когда легче, может быть, психологически?

— Все-таки, знаете, расстояния играют огромную роль. В восьмидесятые годы центрами эмиграции были Париж, Нью-Йорк и Израиль. Это огромные расстояния.

— Я имею в виду в одной стране.

— В одной стране... Все равно, ну нет среды такой, не возникает необходимости. Вчера, например, мы ночью сидели — совершенно случайно соединилась компания, никто никого не ждал. Просто открывалась дверь в клубе, появлялась одна компания, другая, третья, все садились вокруг стола. Это мне напомнило атмосферу шестидесятых годов. Вот это и есть среда. У нас такой среды не было. Мы были на огромном расстоянии друг от друга. В изданиях, которые там были, постоянно шла полемика. Если кто-то плевал кому-то в лицо, то плевков плыл несколько месяцев. За несколько месяцев, пока он там плывет от журнала "22" до журнала "Континент" или, там, "Время и мы", проходило очень много времени. Иногда возникало подобие необходимой среды. В частности, в 81-м году была конференция третьей волны в Лос-Анджелесе. Ну, там, все съехались, все сидели вместе, на сцене. Нас было восемнадцать писателей, большая аудитория. Вот возникла такая имитация московской атмосферы. Но создать ее очень трудно. Уже начиналась борьба самолюбий, начинались разоблачения. Разоблачения, связанные с прошлой жизнью. И в общем, все это довольно сложно. Скажем, лидером эмигрантской литературы в восьмидесятые годы считался одно время Владимир Максимов. Он был естественным лидером, потому что он был главным редактором "Континента". "Континента" как единственного журнала, который платил приличные гонорары. И все хотели там печататься... Кстати говоря, великолепный журнал. Он печатал своих врагов, но он был человек ужасно нетерпимый. С другой стороны, другой лидер эмиграции — Синавский, особенно его супруга Мария Васильевна — это другой центр борьбы за влияние, борьбы за свою точку зрения.

— Ваше положение относительно этого конфликта?

— Я просто старался держаться подальше. Я сразу вошел в университетскую среду, и я в общем относился к ним так — с одного края. Моя жизнь шла в университете.

— Занимались созданием культурной среды?

— Это не создается, к сожалению.

Это создается в ходе культурной истории, с традицией, и так далее. Тот же Дом литераторов, московский, при всем его безобразии он был все-таки центром, где люди сталкивались, встречались, ругались, иногда дрались. Стульями даже. В частности, ваш покорный слуга получил однажды удар стулом (смеется).

— От кого?

— От одного поэта (смеется). Это все и составляет литературную жизнь. Там литературной жизни по сути дела не было — когда мы приехали в Нью-Йорк, там были группы авангардных концептуалистов. Они, конечно, враждовали друг с другом, но тем не менее они создавали видимость жизни. В частности, я помню, в 82-м году осенью в клубе "Чичин" были похороны Брежнева. Он еще был жив. И мы туда пришли, на сцене стоял гроб конструкции Малевича. Вы знаете, что Малевич себе сконструировал гроб? И человек, голый по пояс, в резиновой брежневской маске пел какую-то дику якутскую песню и так ходил по этой сцене, завывая, и все смотрели. Верьте не верьте — но это проходило именно, учитывая разницу во времени, в часы агонии генсека. Они не знали об этом, но потом говорили: наверняка это наша заслуга. Или вина. У них были враги, тоже концептуалисты. Они им змей ядовитых подкладывали под двери. В общем, была такая веселая довольно тусовка. Но потом они все постепенно распались, потому что люди начинали интегрироваться в местную жизнь. Сейчас ведь Нью-Йорк переживает русский расцвет — колоссальное количество русских. Это уже не эмигранты, а просто живущие там молодые русские. Огромное количество изданий, вечерних изданий, еженедельники. Постоянные тусовки. Я не участвую в них, я вдалеке, но я о них знаю. Какие-то дискотеки, клубы джазовые. Курехинский фестиваль там тоже проходил недавно.

— Россия — страна, где кумиры всегда были, и вы безусловно являетесь здесь кумиром для очень многих людей. Америка — это страна поликумирная, там каждый сам себе кумир, там нет понятия идола. У вас не возникало чувства неудовлетворенности, что трудно на этом человеческом пространстве стать кумиром?

— Я к этому привык. Там, кстати, очень трудно закрепиться как знаменитость. У меня масса публикаций. У меня, по-моему, гораздо больше критики, чем у любого американского писателя. Но это не зацепляется за со-

знание публики. Они вообще не очень любят иностранно звучащие имена. Когда я переехал два года назад в новый жилой район возле университета, как раз в это время обо мне вышла статья в "Washington Post" — был огромный портрет во всю страницу, — и статья большая. Соседи узнали и стали говорить: "О, у нас тут поселился знаменитость". А сейчас абсолютно все забыли. Для того чтобы там стать популярным человеком, надо без конца мелькать, без конца напоминать о себе.

— Сейчас вы не преподаете?

— Я в какой-то степени начинаю даже скучать, когда долго не преподаю. Случаю по кампусу, по студентам. С удовольствием туда возвращаюсь. Потом через неделю, через две я думаю — на кой черт опять впрягусь в эту лямку, надо куда-то в конце концов уехать, осесть где-то, работать старожил и писать, писать, писать.

— Что вы преподаете?

— У меня два курса. Один курс называется "Мифы и утопия". Это модернизм и авангард в русском обществе, утопические концепции. Там не только литература, там и философские тексты, и слайды живописи, история авангарда. Это для ребят, не продвинутых еще, так называемых

undergraduates. Они из разных приходят областей, среди них есть компьютерщики, биологи и прочие, прочие. Им надо получить гуманитарные баллы, и они записываются по своему желанию, выбирают. Очень многие ко мне приходят, и они получают какую-то информацию, совершенно ошеломляющую их. Они никогда не знали, что это существует, что в России был некий серебряный век, что в России такое развитие авангарда было. А второй класс у меня для продвинутых студентов — будущих писателей. Наполовину мастер-класс, наполовину образовательный. Там я сейчас читаю курс "Два столетия русского романа".

На том наше интервью закончилось, хотя еще очень хотелось спросить про кошку Матрешу и маленького Пушкина с большим характером, тибетского спаниеля — "главу семьи" и про саму семью, про личные впечатления от премированных "триумфаторов", мнения о которых неоднозначны... Как всегда, того, кому явно что-то одно удается, поклонники пытаются с другой стороны. И я решил этого не делать.

МАТРАСЫ И ПОДСТАВКИ (КРОВАТЬ) КОМПАНИИ «Lordflex's», ИТАЛИЯ

- 1. MARIANA'S** — ортопедический матрас, предохраняет и способствует лечению от различных костно-мышечных болезней, снимает напряжение от дневной нагрузки, нормализует и восстанавливает организм во время здорового сна, обеспечивает правильное развитие позвоночника — **основу гордой осанки, красивой походки**. MARIANA'S рекомендуется при радикулитах, остеохондрозах, сколиозах, лордозе, артрозах и артритах. Имеет зимнюю и летнюю стороны, легко транспортируется: зимой в квартире, летом на даче.
- 2. RETE-DIVA** — ортопедическая подставка с овальными режками из бука. Рекомендуется использовать для полного раскрытия возможностей матраса. Конструкция работает следующим образом: вес человека создает определенное давление на матрас, которое, соответственно, передается на конструкцию подставки. При этом на каждую овальную буктовую рейку приходится определенная часть этого давления, пластинка пропорционально изгибается, создавая дифференцированное противодействие, которое разгружает позвоночник и распрямляет мышцы.

Также имеются в продаже еще 3 вида матрасов. Среди них:
 ● **УНИВЕРСАЛЬНЫЙ** матрас **NATURISTA** — полностью из натуральных компонентов (каучук, конский волос, кокосовые волокна, морские травы), обеспечивает полную 100% поддержку тела.
 ● **САМОПОДСТРАИВАЮЩИЙСЯ** матрас **COVER** — с автономными локализованными пружинами и многослойной системой прокладок.

Матрасы **NATURISTA** и **COVER** имеют съемный чехол, набитый с одной стороны шотландской шерстью, с другой — египетским хлопком.

● Классические пружинные матрасы средней, высокой и очень высокой упругости.

Поставки матрасов и подставок осуществляются со склада в Москве. Тел.: 205-49-19, 255-96-97, 205-49-28, 205-49-15.